

С Л О В О С Л О В О

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, О ПОЛКУ ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЬГОВА. ВНУКА ОЛЕГА.

Не лѣполи ны башетѣ, бра-
тіе, начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о плѣку
Игоревѣ, Игоря Святѣславли-
ча! начати же ся тѣй пѣсни по
быллинамъ сего времени, а не
по замышленю Бояню. Боянѣ
бо вѣщій, аще кому хотяше
пѣснь творити, то растѣка-
шетса мыслию по древу, св-
рымъ вѣлкомъ по земли, ши-
зымъ орломъ подѣ облакы.
Помняшетъ бо речь пѣрвыхъ
временъ усобицѣ; тогда пуца-
шетъ ꙗко соколовъ на стадо ле-
бедѣй, который дотечаше, та
преди пѣсь пояше, старому
Ярослову, храброму Мстисла-
ву, иже зарѣза Редедю предѣ
плѣки Касожьскыми, красному
Романови Святѣславличю. Бо-
янѣ же, братіе, не ꙗко соколовъ
на стадо лебедѣй пуцаше, нѣ
своя вѣщія пѣрвсты на живая
струны вѣскладаше; они же
сами Княземъ славу рокоташу.

Не лучше ли памѣ, брашцы, на-
чати спарымъ слогомъ трудную
повѣсть о полку Игоря Свя-
тославича! Начати же оную по
бытїямъ сего времени, а не по
замыслу Боянову. Ибо вѣщій
Боянѣ, когда хопѣлъ кому пѣснь
творити; по носилса мыслию по
древу, сврымъ волкомъ по землѣ,
сизымъ орломъ подѣ облаками.
Помняща рѣчь прежнихъ вре-
менъ о брани; тогда пуска-
ли десять соколовъ на спадо
лебедѣй, чей соколъ долеталъ,
попѣ прежде пѣснь воспѣвалъ
спарому Ярославу, храброму
Мстиславу, поразившему Редедю
предѣ полками Касожскими, крас-
ному Роману Святославичю. Боянѣ
же, брашцы, не пускалъ десяти
соколовъ на спадо лебедѣй; но
искусные персты свои возлагалъ
на живыя струны; а сіи уже сами
Княземъ славу возглашали.

Почемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, налѣвився ратнаго духа, наведе своя храбрія плѣвки на землю Половѣцкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружина! лучше бы потяту быти, неже полоцену быти: а всядемъ, братіе, на свои брѣзвыя конои, да позримъ синего Дону. Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хочу бо, рече копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русци, хочу главу свою приложити, а любо испити шоломомъ Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плѣвки ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы; свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояноу чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжатъ къ Дону вели-

И такъ начнемъ, братицы, повѣсть сію оиъ стараго Владиміра и продлимъ оную до нынѣшняго Игоря, коиорый препоясалъ умъ крѣпостію, изощрилъ сердце свое мужествомъ, и исполнилъ духа ратнаго, навелъ храбрые полки свои на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и, видя все свое воинство тьмою прикрытое, воскликнулъ къ дружинѣ своей: Братицы и дружина! лучше быти изрубленнымъ, нежели достаться въ плѣнъ: сядемъ, братицы, на своихъ быспырыхъ коней, да поспопримъ на синій Донъ. Вспало Князю на мысль сильное желаніе, и рвеніе испытать Дону великаго уничтожило предзнаменованіе. Хочу, возопилъ онъ, копье приломить концемъ поля Половецкаго съ вами, Россіяне, хочу главу свою приложить или напишья шоломомъ Дону. О! если бы ты, Боянь, пѣвецъ древнихъ лѣтъ, полки сіи восиѣлъ, скача соловьемъ мысленно по древу, летая умомъ подѣ облаками, свивая славою обѣ половины сего времени, носель за войскомъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Пѣть было тебѣ пѣсь Игорю, того (Олега) внуку. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія; галки спадами летяпъ къ Дону вели-

кому ; чили вѣспѣти было вѣ-
щей Бояне , Велесовь внуче !
Комони ржутъ за Сулою ; зве-
нить слава вѣ Киевѣ ; тру-
бы трубятъ вѣ Новеградѣ ;
стоятъ стязи вѣ Путивлѣ ;
Игорь ждетъ мила брата Все-
волода . И рече ему Буй Турѣ
Всеволодѣ : одинѣ братѣ , одинѣ
свѣтѣ свѣтлый ты Игорю , оба
есѣвѣ Святѣславличя ; сѣдлай ,
брате , свои брѣзыи комони , а
мои ти готови , осѣдлаи у
Курьска на переди ; а мои ти
Куряни свѣдоми къ мети , подѣ
трубами повиити , подѣ шеломи
вѣзлелѣяны , конецъ копія вѣ-
скрѣмлени , пути имѣ вѣдоми ,
яругы имѣ знаеми , луци у нихѣ
напряжени , тули отворени ,
~~сабли мѣстопросты , сами ска-~~
чють аки сѣрыи вѣлци вѣ полѣ ,
ищучи себе чти , а Князю славѣ .
Тогда вѣступи Игорь Князь
вѣзлатѣ стремянь , и поѣха по
чистому полю . Солнце ему
тѣмою путь заступаше ; ночь
стонуци ему грозою птичь у-
буди ; свистѣ звѣрии вѣстазби ;
дивѣ кличетѣ вѣрху древа , ве-
литѣ послушати земли незнае-
мѣ , вѣлзѣ , и по морю , и по
Сулю , и Сурожю , и Корсуню ,
и тебѣ Тьмутораканьскый блѣ-
ванѣ . А Половци неготовыми

кому ; или воспѣть намѣ , вѣщій
Боянѣ , внучѣ Велесовѣ ! Кони
ржутъ за Сулою ; гремитѣ слава
вѣ Кіевѣ ; и трубы трубятъ вѣ
Новѣгородѣ ; знамена стояишь
вѣ Путивлѣ ; Игорь ждетѣ ми-
лаго брата Всеволода . Буй Турѣ
Всеволодѣ вѣщаешѣ ему : одинѣ
братѣ , одинѣ свѣтѣ свѣтлый ;
ты Игорь , оба мы сыновья
Святославовы ; сѣдлай , братѣ ,
своиѣ быспрыхѣ коней , а мои
готовы и осѣдлаи у Курска
впереди ; мои же Курчане искусны
вѣ цѣлѣ спрѣлѣишь , подѣ тру-
бами повиити , подѣ шлемами
взлелѣяны , концемъ копія вос-
жормлени , пущи имѣ извѣсны ,
овраги имѣ знаемы , луки у нихѣ
напянушы , колчаны отворены ,
сабли изоспрены , сами скачунѣ ,
какѣ сѣрые волки вѣ полѣ ,
ища себѣ чести , а Князю славы .
Тогда вспунилѣ Князь Игорь вѣ
златыя стремяна , и поѣхалѣ по
чистому полю . Солнце тѣмою
путь ему преграждало ; ночь , сне-
ня огнѣспраха , иници пробудила ;
звѣри воютѣ по дорогамѣ ; дивѣ
кричитѣ на вершинѣ древа , даешѣ
знать землѣ незнаемой , Волгѣ ,
и мѣспамѣ , расположеннымѣ у
моря и Сулы , и Суражу и Корсуню
и тебѣ , Тьмутараканьскій бол-
ванѣ . Половцы же неготовыми

дорогами побѣгоша къ Дону великому; кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспушени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію вѣщи грозу вѣроятъ, по ярузамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленья щиты. О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Длго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говорѣ галичъ убуди. Русичи великая поля чръленьими щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ заранія вѣ пяткѣ потопташа поганья плѣвки Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орѣвмами и япончицами, и кожухы начаниа мосты мостити по болотомъ и грязывымъ мѣстамъ, и всякими узорочыи Половецкыи. Чръленб стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святславичю. Дремлетъ вѣ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонѣ обидѣ порождено, ни соколу, ни

дорогами побѣжали къ Дону великому; раздаеися скрыпъ шелегъ въ полуночи, подобный крику разлепѣвшихся лебедей. Игорь къ Дону войска ведетъ: уже птицы бѣду его насупъ; волки умножаютъ страхъ по оврагамъ; орлы крикомъ на кости звѣрей сзываютъ; лисицы лаютъ на багряные щиты. О Руская земля! ты уже за Шеломянемъ. Долго ночь продолжася, свѣтомъ заря не являеся, мгла поля покрыла, соловей умолкъ, галки кричатъ. Россіяне проспранныя поля преградили багрянными щитами, ища себѣ чести, а Князю славы.

По утру вѣ пятокѣ Россіяне попрали ногами нечеспивые полки Половецкіе, и, развѣясь, какъ стрѣлы, по полю, помчали красныхъ дѣвъ Половецкихъ, а съ ними золотю, богатыя шкани и дорогіе бархаты; ортмами, плащами, шубами и всякими нарядами Половецкими начали мосты мостити по грязнымъ мѣстамъ и болотамъ. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко доспались храброму Святславичю. Дремлетъ вѣ полѣ Олегово храброе гнѣздо, далеко залетѣвши; не родилось оно на обиду ни соколу, ни

кречету, ни тебѣ чрѣный воронѣ,
поганый Половчанинъ. Гзакѣ бѣ-
житѣ сѣрымѣ вѣлкомѣ; Кончакѣ
ему слѣдѣ править къ Дону
великому.

Другаго дни велии рано кро-
вавая зори свѣтъ повѣдаютѣ;
чрѣныйя тучя съ моря идутѣ,
хотятѣ прикрыти ꙗко солнца:
а съ нихѣ трепещутѣ сини
млвни, быти грому великому,
ипти дождю стрѣлами съ До-
ну великаго: ту ся копѣемѣ
приламати, ту ся саблямѣ по-
тручяти о шелома Половец-
кыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону
великаго. О Руская землѣ! уже
не Шеломянемѣ еси. Се вѣтри,
Сприбожи винуци, вѣютѣ съ мо-
ря стрѣлами на храбрыя плѣкы
Игоревы! ~~земля шумитѣ~~, рѣкы
мушно текутъ; пороси поля
прикрывають; стязи глаго-
лютъ, Половци идутѣ отѣ
Дона, и отѣ моря, и отѣ всѣхѣ
страиѣ. Рускыя плѣкы отсту-
пиша. Дѣпни бѣсови кликомѣ
поля прегородиша, а храбри
Русицы прегородиша чрѣлены-
ми щиты. Ярѣ турѣ Всеволодѣ!
стоиши на борони, прыщещи
на вои стрѣлами, гремлещи о
шеломы мечи харалужныи.
Камо Турѣ поскачаеши, своимѣ
златымѣ шеломомѣ посвѣчивая,

кречету, ни тебѣ, чѣрный воронѣ,
нечестивый Половчанинѣ. Гзакѣ
бѣжитѣ сѣрымѣ волкомѣ, а Кон-
чакѣ ему дорогу показываетѣ къ
Дону великому.

На другой день очень рано кро-
вавая заря свѣтъ возвѣщаетѣ;
черныя тучи съ моря идутѣ, хо-
пятѣ прикрыти четыре солнца:
а изѣ нихѣ шрепещутѣ сини
молни, быти грому великому,
ипти дождю стрѣлами съ Дону
великаго: шумѣ копьямѣ поло-
матѣся, шумѣ саблямѣ потрес-
каться обѣ шлемы Половецкѣе,
на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго.
О Руская земля! ты уже не
въ шакомѣ еоспоянѣи, въ какомѣ
Шеломянѣ. Вотѣ вѣтры, винуки
Сприбога, вѣютѣ съ моря стрѣ-
лами на храбрые полѣки Игоревы!
спучитѣ земля, рѣки мушно пек-
кутъ, прахѣ поля покрывають,
знамена шумятѣ: Половцы идутѣ
отѣ Дону, и отѣ моря, и отѣ
всѣхѣ странѣ. Русскѣе полки опш-
стунили. Дѣпни бѣсови крикомѣ
поля преградили, а храбрѣе Рос-
сиане преградили багрными щиты.
Ты, Ярѣ турѣ Всеволодѣ!
споишь на брани, бросаешь
стрѣлы на воиновѣ, спучишь обѣ
шлемы харалужныи мечыи.
Куда Турѣ поскакаль, своимѣ
златымѣ шлемомѣ посвѣчивая,

тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебѣ Яръ Туре Всеволоде. Какя раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова; отля злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Тропни, минула лѣта Ярославл; были плѣци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣлше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градъ Тьмуторокакъ. Тоже зовѣ слыша давній великій Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владиміръ по вѣс утра уши закладше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ той же Каялы Святполкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣи Софїи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣшется и растлшетъ усобицами; погнбашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,

пашь лежатъ нечестивыя головы Половецкія; переколошы саблями калеными Оварскіе шлемы отъ тебя, Яръ Турѣ Всеволодь! Какія, братцы, раны для него будущъ дороги, когда забылъ почестъ, жизнь, градъ Черниговъ, отческїй золошой престоль и овою добрую волю, прекрасной Глѣбовны нравъ и обычай. Были сѣвзды Трояновы, миновались лѣта Ярославовы; были полки Олега Святославича. Сей Олегъ мечемъ крамолу коваль, и стрѣлы по земле сѣял. Онъ вспунилъ въ златыя снремена во градъ Тьмутаракани, и сей звукъ слышалъ спарый великій Ярославъ, сынъ Всеволодь; а Владиміръ всякое утро уши закладывалъ въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судѣ привела, и на шелковое зеленое покрывало положила за обиду храбраго молодого Князя Олега. Съ той же Каялы Святополкъ повелѣдъ взялъ отца своего среди Венгерской конницы въ Кіевъ къ Святой Софїи. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и возрастали брани; гнула жизнь Дажь-Божевыхъ внуковъ, сокращался въ Княжесныхъ крамолахъ вѣкъ человѣчскїй. Тогда по Руской землѣ рѣдко слышанъ былъ гласъ земледѣль-

иѣ часто врани грядхуть, тру-
пѣа себѣ дѣляче; а галици свою
рѣчь говоряхуть, хотять поле-
тѣти на уедіе. То было въ ты
ранки, и въ ты плѣвки; а сице
ранки не слышано: съ зараніа
до вечера, съ вечера до свѣта
летѣтъ стрѣлы каленыя; грим-
лютѣ сабли о шелома; прещатѣ
копѣа харалужныя, въ
полѣ незнаемѣ среди земли По-
ловецкыи Чрѣна земля подѣ
копыты, костью была посѣя-
на, а кровію поляна; туюю
взыдоша по Руской земли. Что
ми шумитѣ, что ми звенитѣ
давеча рано предѣ зорями? И-
горь плѣвки заворочаетѣ; жаль
бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день, бишася другой:
третьяго дни къ полуднѣю па-
доша стязи Игоревы. Ту ся
брата разлучиста на брезѣ
быстрой Каялы. Ту кроваваго
вина не доста; ту пирѣ докон-
чаша храбрѣи Русичи: сваты
попонша, а сами полегоша за
землю Рускую. Ничитѣ трава
жалощами, а древо стуюю къ
земли преклонилось. Уже бо,
братіе, не веселая години вѣста-
ла, уже пустыни силу прикры-
ла. Вѣстала обида въ силахѣ
Дажь-Божа внука. Вступилѣ
дѣвою на землю Трояню, вѣспле-

цовъ, но часно враны каркали,
дѣля между собою трупы; а галки,
желая лепѣшь на кормъ, распро-
спраняли крикъ свой. Такъ про-
исходило въ шѣ брани, и въ шѣхъ
полкахъ, а шакой брани, какова
нынѣ, и не слыхано: съ упра до
вечера, съ вечера до свѣта ле-
пятъ стрѣлы каленыя, стучатѣ
сабли о шлемы, прещатѣ копыа
харалужныя, въ незнаемыхъ по-
ляхъ, среди земли Половецкой.
Почерѣбла земля подѣ копыта-
ми, костью была засѣяна, а кро-
вію поляна: огорченныи симъ
Половицы взопли въ Русскую зем-
лю. Чшо за шумъ, чшо за звукъ
шакъ рано предѣ зарею? Игорь
ведетѣ полки свой; жаль ему ми-
лаго брата Всеволода. Бились день,
бились другой; а на третей предѣ
полуднемъ пали знамена у Игоря.
Тупъ бранья разлучились на бе-
регу быстрой Каялы; шупъ кро-
ваваго вина не достало; шупъ пирѣ
кончили храбрыи Россіане, сва-
товъ напоили, а сами полегли за
землю Русскую. Поникла права
опъ жалосни, а древо опъ печали
къ землѣ преклонилось. Уже,
братцы, не веселое время на-
спушило, уже силы не спало.
Возстала обида въ силахѣ Дажь-
Божыхъ внуковъ. Она, вступивъ
Діаню въ землю Троянову, вос-

скала лебединими крылы на
синѣмъ морѣ у Дону плещучи ,
убуди жирна времена . Усобица
Княземъ на поганья погыбе ,
рекоста бо братѣ брату : се
мое , а то моеже ; и начаша
Князи про малое , се великое
млѣвити , а сами на себѣ кра-
молу ковати : а поганѣи съ всѣхъ
странѣ приходяху съ побѣ-
дами на землю Рускую . О ! да-
лече зайде соколъ , птицъ бѣя
къ морю : а Игорева храбраго
плѣку не крѣсити . За нимъ
кликну Карна и Жля , по скочи
по Руской земли , смагу мычючи
въ пламяѣ розѣ . Жены Рускія
въсплакашась аркучи : уже намъ
своихъ милыхъ ладъ ни мыслию
смыслити , ни думою сдумати ,
ни очима сѣглядати , а злата
и сребра ни мало того потре-
пати . А въстона бо , братѣ ,
Кіевъ тугою , а Черниговъ на-
пастьми ; тоска разліяся по
Руской земли ; печаль жирна
тече средъ земли Руской ; а
Князи сами на себе крामолу
коваху ; а поганѣи сами побѣ-
дами нарищуще на Рускую зем-
лю , емляху дань по бѣлѣ отъ
двора . Тѣи бо два храбрая
Святъславича , Игорь и Все-
володъ уже лжу убуди , кото-
рую то бѣше успилъ отецъ

плескала лебединими крылами на
синемъ морѣ , у Дону плещучи ,
пробудила убивственныя времена .
Исчезла у Князей брань прошивъ
невѣрныхъ ; ибо братъ брату го-
вориль : се мое , и то мое же ;
начали Князья за малое говорить
се великое , и сами на себя кра-
молу ковать ; нечестивые же со
всѣхъ странъ вступали съ побѣ-
дами въ землю Русскую . О ! дале-
ко залетѣлъ соколъ , гомя и птицъ
къ морю : а Игорева храбраго
полка не воскресить . Въ слѣдъ
за нимъ воскрикнули Карна и Жля ,
и поскакали по Русской землѣ , бро-
сая жаръ изъ пламенныхъ роговъ .
Зарыдали жены Рускія , пригова-
ривая : уже намъ милыхъ друзей
своихъ ни мыслию взмыслить , ни
думою вздумать , ни очами узрѣть ,
а златомъ и серебромъ ни мало не
украшаться . Возспеналь , братъ-
цы , Кіевъ опъ печали , а Черни-
говъ опъ напасти ; разлилась
тоска по Русской землѣ ; убив-
ственная печаль печеть посреди
земли Руской ; Князья сами на себя
крामолу ковали ; а нечестивые ,
нападая съ побѣдами на Русскую
землю , взимали дань по бѣлкѣ
съ двора . Ибо тѣ два храбрые
Святославичи , Игорь и Всево-
лодъ , разбудили ложь , копорую
усыпиль отецъ ихъ Великій

*и хъ Святъславъ грозный Вели-
кий Кіевскій. Грозою бѣшетъ ;
притрепеталъ своими сильны-
ми плѣкы и харалужными мечи ;
наступи на землю Половецкую ;
притопта хлѣми и яругы ;
взмути рѣки и озера ; иссуши
потоки и болота , а поганиаго
Кобяка изъ луку моря отъ же-
лѣзныхъ великихъ плѣковъ По-
ловецкихъ , яко вихрѣ выторже :
и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ ,
въ грядицѣ Святъславли . Ту
Нѣмци и Венецици , ту Греци
и Морава поютъ славу Святъ-
славлю , каютъ Князя Игоря ,
иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы
рѣкы Половецкія , Рускаго зла-
та насыпаша . Ту Игорь Князь
высѣдѣ изъ сѣдла злата , а въ
сѣдло Кошчеево ; уныша бо гра-
домъ забрала , а веселіе пониче .
А Святъславъ мутенъ сонъ ви-
дѣ : въ Кіевѣ на горахъ си ночь
сѣ вечера одѣвахѣте мя , рече ,
чрѣною паполомою , на кровати
писовѣ . Чрѣпахуть ми синее
вино сѣ трудомъ смѣшено ; сы-
пахутьми тѣщими тулы пога-
ныхъ тѣлковинѣ великій жен-
чюгъ на лоно , и нѣгутѣ мя ;
уже дѣски безъ кнѣса вмоемѣ
теремѣ златоврѣсѣмѣ . Всю
нощъ сѣ вечера босуви врани
вззраяну , у Плѣспьска на бо-*

Князь Кіевскій Святославъ гроз-
ный . Спрашенъ былъ ; всѣхъ
привелъ въ препепѣ своими силь-
ными полками и харалужными
мечами ; наступилъ на землю По-
ловецкую , припопшалъ холмы и
овраги , возмущилъ рѣки и озера ,
изсушилъ потоки и болота ; а
нечестиваго Кобяка изъ луки мор-
ской изъ середины сильныхъ вели-
кихъ полковъ Половецкихъ , подоб-
но вихрю , испортнулъ : и очутился
Кобякъ въ городѣ Кіевѣ , во дворцѣ
Святославовомѣ . Тутъ Нѣмцы и
Венеціане , тутъ Греки и Моравцы
прославляютъ Святослава , жалѣ-
ютъ Князя Игоря , погрузивша-
го доблестъ на дно Половецкой
рѣки Каялы , насыпавши Рускаго
золота . Тутъ Князь Игорь пере-
сѣлъ изъ своего золотаго сѣд-
ла въ сѣдло Кошчеево ; уныли го-
родскія спѣсны , и веселіе поникло .
Святославъ мутный сонъ видѣлъ :
въ сію ночь сѣ вечера , на горахъ
Кіевскихъ , рассказывалъ онъ Боя-
рамъ , одѣвали меня чернымъ
покрываломъ на писовой кровати ;
черпали мнѣ синее вино съ ядомъ
смѣшанное ; сыпали пустыми
колчанами изъ неприятельскихъ
тулковинѣ на лоно мое крупный
жемчугъ ; и спорили со мною ,
что въ зааповерхомъ теремѣ
моемъ доски безъ перекладины ,

лони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю. Н ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмуророканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца прилѣшали поганыхъ саблями, а самую опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 7 день: два солнца помѣркости, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ тѣмю ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подастъ Хинови. Уже спесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса днѣвъ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ, поютъ время Бусово, дѣлѣютъ мѣсть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи

что съ вечера въ всю ночь Бусовы враны каркали, бывши у Цѣнска на болонь въ долину Кисановой, и что я не могу согнать ихъ къ синему морю. Но Бояре вѣщали Князю: уже, Князь, печаль умома овладѣла; ибо два сокола слѣтѣли съ опеческаго золотнаго преспола искать города Тьмураракани или напипись шлемомь Дону. Уже обрубилы крыльця соколамъ саблями нечестивыхъ, а самихъ въ желѣзныя цѣпи опушали. Темно было въ прѣпѣи день: два солнца померкли, оба багряные сполла погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, Олегъ и Святславъ запѣмились. На рѣкѣ Каялѣ тѣма свѣтъ помрачала: прѣстерлись Половцы, подобно пардову гнѣзду, по землѣ Руской, погрузили оную въ пропасть, и нѣмъ придали Хану великое буйство. Уже напала хула на хвалу; уже воспала бѣда на вольность; уже повергся днѣвъ на землю. Готфскія красныя дѣвы воспѣвають на берегахъ синяго моря; и звоня Рускимъ золотомъ, прославляють времена Бусовы, ублажаютъ мѣсть Шароканову; но у насъ, дружина, нѣтъ уже веселія! Тогда Великій Князь Святславъ, испуспивъ изъ успѣ золотное слово, со слезами смѣшанное, шакъ говорилъ: О сыновья мои, Игорь

цвѣлѣти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрыя сердца въ жестощемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звоначи въ праведною славу. Нѣ рекосте мужа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ вытѣхъ бываетъ, высоко птиць взбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся години обратиша. Се Уримъ кричатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Великій Княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти изда-леча, отня злата стола по-блюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ

и Всеволодъ, рано начали мечами погружашъ въ слезы землю Половецкую, а себѣ славы искашъ; но нечестно одолѣніе ваше; ибо нечестно пролили кровь нечестивыхъ. Храбрыя сердца ваши въ жестокомъ харалузѣ скованы, а въ буйствѣ закалены. Сіе ли сошворили сребриспой сѣдинѣ моей! Я уже не вижу власши сильнаго и богатаго, и многочисленныхъ войскъ брата моего Ярослава съ Черниговскими Былями, съ Могутами, съ Татранами, съ Шельбирами, съ Топчаками, съ Ревугами и съ Ольберами, кои безъ щитовъ съ засапожниками крикомъ полки побѣждають, звуча славою правдѣдовъ. Но вы сказали: будемъ одни мужатъся, одни предстоящую славу похитимъ, и одни послѣдующую подѣлимся. А мудрено ли, братицы, и спарому помолодѣть? Когда соколъ на добычѣ бываешъ, тогда высоко птиць загоняешъ, и не даетъ въ обиду гнѣзда своего; но бѣдствіе Князей не въ помощь мнѣ: времена измѣнились. Вошъ Уримъ кричишъ подѣ саблями Половецкими, а Владиміръ подѣ ранами. Печаль и тоска сыну Глѣбову. Великій Князь Всеволодъ! не перелетѣши пѣбѣ, подобно мысли, издаиска, для защищы опеческаго золопата

шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатъ, а Кощей по резанъ. Ты бо можеш по суху живыми шерешеры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давиде, не ваю ли значеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступиша Господина въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буге Святславича! Галичкы Осмомыслъ Ярославъ высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяши Кіеву врата; стрѣляши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганиаго Кощей за землю Рускую, за раны Игоревы буге Святславича. А ты буй Романи и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваши на дѣло въ

пресполоа? Ты можень Волгу веслами раскропнть; а Дошь шлемами вылишь. Когда бы шы былъ, то была бы жепя по ногатъ, а опрокъ по резани. Ибо шы можеш искусивомъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ на сухомъ нуши живыми шерешерами стрѣляшь. О вы, храбрые Князья Рюрикъ и Давидъ, не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваши ли храбрыя дружины рыкають, какъ Тури, раненные калеными саблями на поляхъ незнаемыхъ? Вступите, Государи, вступите въ свои зланыя стремяна за обиду сего времени, за Русскую землю, за раны храбраго Игоря Святславича. Осмомыслъ Ярославъ Галицкѣй! высоко сидишь на своемъ златокованномъ пресполѣ; заперъ Венгерскія горы сильными полками своими, пресградилъ Королю путь, зашворилъ врапа Дуная, бросаю тяжести чрезъ облака, учреждаю суды до береговъ Дуная. Грозное имя швое несепся по всѣмъ землямъ; шы отворяеш врапа Кіева, бьенъ съ опеческаго зланыаго пресполоа Султановъ за опдаленными землями. Бѣй, Государь, Кончака, нечесливаго Кощей за Рускую землю, за раны храбраго Игоря Святславича. А вы, храбрый Романъ и Мстиславъ, геройская мысль умно возносишь васъ на

буести, яко соколѣ на вѣтрехѣ ширяея, хоти птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шелома Латынскими. Тѣмъ тресну земля, и многи страны Хитова. Литва, Ятязи, Деремела, и Половци сулицы своя повергоша, а главы своя поклонниша подѣ тымъ мечи харалужныи. Нѣ уже Княже Игорю, утрьѣ солницю свѣтъ, а древо не бологомѣ листѣе срони: по Роси, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго пѣлку не крѣсити. Донѣ ти Княже ключетѣ, и зоветѣ Князи на побѣду. Ольговичи храбрыи Килзи доспѣли на брань. Инѣварь и Всеволодѣ, и вси три Мстиславичи, не худа гвѣзда шестокрылци, не побѣдыми жребии собѣ власти расхытите? Кое вани златыи шелома и сулицы Ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своимъ острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буюго Святѣславлика. Уже бо Сула не течетѣ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомѣ течетѣ онымѣ грознымѣ Полочаномѣ подѣкликомѣ поганыхѣ. Единѣ же Изяславѣ сынѣ Васильковѣ позвони своимъ ос-

подвиги. Высоко возлешаше въ яросни на подвиги, какѣ соколѣ, въ воздухѣ ширяющійся, хоти птицу въ яросни одолѣшь; ибо имѣются у васѣ желѣзные папорзи подѣ Латынскими шлемами, отѣ коихѣ пала земля и многи страны Хановы. Литва, Ятва, Деремела и Половцы, конья свои повергли и головы свои склонили подѣ нѣ мечи харалужныи. Но уже, Князь Игорь, свѣтъ солнца помрачился, и деревья не отѣ добра листѣя пороняли; по Роси и по Сулѣ города подѣлили; а Игорева храбраго полка не воскресити. Донѣ къ тебѣ, Князь, вопіешъ, и зоветѣ Князей на побѣду. Храбрыи Князя Ольговичи доспѣли на брань. Инварь и Всеволодѣ и все шрое Мстиславичи, не худаго гвѣзда шестокрылцы, вы не жребіемѣ побѣдѣ себѣ власнѣ похипили. Кѣ чему ваши зелошые шлема и Польскія копя и щипы! Загородише въ полѣ вропта своимъ оспрыми стрѣлами за Рускую землю, за раны храбраго Игоря Святѣславлика. Не серебряною уже струсю печетѣ Сула къ городу Переяславлю, и Двина мутно уже печетѣ къ грознымѣ Полочанамѣ подѣ крикомѣ нечесивыхѣ. Одинѣ только Изяславѣ сынѣ Васильковѣ, позвонилъ своимъ оспрыми мечами о шлемѣ Липов-

трыми мечи о шелома Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрѣльными щиты на кровавѣ травѣ притрепаиѣ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ты брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чрезѣ злато ожереліе. Ушылы голоса, пошче веселіе. Трубы трубятѣ Городеньскія. Ярославъ и вси внуце Всеслави уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начястѣ наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе отѣ земли Половецкыи! На седьмомѣ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславѣ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣи клюками подирѣся о кони, и скоитъ къ граду Къеву, и дотчеса стружіемѣ злата стола Кіевскаго. Скоитъ отѣ шхѣ лютымѣ звѣремѣ вѣ плѣночи, изъ Бѣлаграда, обѣсся снѣи мглѣ, утрѣ же возни стрікусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скоитъ вѣлкомѣ

скіе; уничтожилѣ славу дѣда своего Всеслава, а самъ подѣ багряными щитами на ожржавленной правѣ уничтоженѣ Литовскими мечами. И пожелавѣ, чѣтобѣ сѣя кровавая права служила ему одромѣ, сказаль: Дружину твою, Князь, птиць крыльями пріодѣли, а звѣри кровь полизали. Не было шупѣ брашневѣ его ни Брячислава, ни Всеволода; одинъ испустилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезѣ золотое ожерелье; ушыли голоса, пошкло веселіе, прубы прубяиѣ Городеньскія. Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы, приклонитѣ знамена свои, вонзитѣ во влагалища вредныя мечи свои; уже лишились славы дѣда своего; ибо вы крамолами своими начали наводити печесливыхъ на Рускую землю, на жизнь Всеславову. Какое было насиліе оиѣ земли Половецкой! На седьмомѣ вѣкѣ Трояновомѣ бросилъ Всеславѣ жребій о милой ему дѣвицѣ. Онѣ, подкрѣися клюками на коняхъ, поскакаль къ граду Кіеву, и коснулся древкомѣ золотого престола Кіевскаго. Онѣ сихъ мѣсепѣ поскакаль, подобно люшому звѣрю, вѣ полночь, изъ Бѣлаграда во время бывшей синей мглы, по упру же возовыми стрікусами отворилъ врата Цовагорода, уничтожилѣ славу Ярославу, и поскакаль, какъ

до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоуѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не болгоми бяхутъ посяни, посяни коетыми Рускихъ сыновѣ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣнкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Курѣ Тмутороканя; великому хрѣсови вѣнкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полоцкѣ позвониша заутреннюю рано у Святыя Софен въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды спрадаше. Тому вѣщей Бояиъ и прѣвое приѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути. О! стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину, и прѣвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горами Кіевскимъ: сего бо ныиѣ стана стязи Рюриковы, а друзи Давидовы; иъ рози нося имѣ хоботы пашутъ, копѣа поютъ на Дунаи.

Ярославниъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кычь: полечю, рече, зегзицею

волкѣ, до Немиги съ Дудутокъ. На Немигѣ, вмѣсно сноповъ, спелютъ головы, молопятъ чѣпами харалужными, на току живопъ кладутъ, выѣваютъ душу изъ тѣла. Кровавые берега Немиги, не добромъ засѣяны, засѣяны коспями Русскихъ сыновѣ. Князь Всеславъ людей судилъ, Княжескими городами управлялъ, а самъ ночью, какъ волкъ, рискалъ; изъ Кіева въ Тмушаракань до пѣпуховъ поспѣлъ; великому Хорсу, волкомъ пушъ перебѣжалъ. Ему въ Полоцкѣ рано позвонили къ заупрени у Святой Софѣи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хопя въ иномъ тѣлѣ и вѣща душа была, однако часто опъ бѣдѣ спрадала. Такому вѣщій Бояиъ и прежде благоразумно приѣваль: Ни хипрому, ни гораздому, ни ппицѣ гораздой не миновашъ суда Божіа. О! спонапъ шебѣ, Руская земля, воспоминая прежнїя времена и прежнихъ Князей. Того спараго Владиміра невозможно было пригвоздинъ къ горами Кіевскимъ: сего же ныиѣ спали знамена Рюриковы, а другїя Давидовы; но сїи, сдѣлавшись могущими, въ сапогахъ землю пашутъ, копья же звучашъ на Дунаѣ.

Ярославниъ голосъ слышится: спранною кокушкою рано вошѣшъ она: полечу, говоришъ,

по Дунаевѣ; омочю бѣбриць рукавъ въ Каяль рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестощѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивль на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣши? чему мышци Хниовскыя стрѣлки на своєю не трудною крилицю на моя ладѣ вон? Мало ти блшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылю развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави посады до плѣку Кобякова: вѣзлелѣй Господине мою ладѣ къ мнѣ, а быхѣ неслала къ нему слезѣ на море рано. Ярославна раня плачетъ въ Путивль на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горлицю свою лучю на ладѣ вон? въ полѣ безводнѣ жаждою нѣтъ лучи едпраже, тугою нѣтъ тули затче.

кокушкою по Дунаю; обмочу бѣбровый рукавъ въ рѣкѣ Каяль, оботру Князю кровавыя раны на жестощкомъ его тѣлѣ.

Ярославна упромъ рано плачетъ въ Путивль на городской синѣ, приговаривая: о вѣтрѣ, великій вѣтрѣ! почю насильно вѣши? почю легкими крылами своими навѣваешь Ханскія стрѣлы на воиновъ моего друга? или мало тебѣ было горѣ людѣ облаками вѣяти, когда бережно носилъ корабли на синемъ морѣ? Почю веселіе мое по травѣ ковыли развѣялъ?

Ярославна упромъ рано плачетъ на синѣ города Путивля, припѣвая: О славный Дѣпрѣ! ты пробилъ каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты бережно носилъ на себѣ Святославовы суда до подка Кобякова: принеси же бережно ко мнѣ моего много, дабы не слала къ нему слезѣ упромъ рано на море.

Ярославна упромъ рано плачетъ въ Путивль на городской синѣ, припѣвая: О свѣтлое и тресвѣтлое солнце! ты для всѣхъ тепло и красно: почю простерло горячіе лучи свои на воиновъ моего друга? въ безводномъ полѣ жаждою луки нѣтъ засушило, а печалію колчаны заложило.

*Прысну море полуноци ; и-
душѣ сморци мъглами ; Игоревѣ
Князю Богъ путь кажетъ изъ
земли Половецкой на землю
Рускую, къ отню злату столу.
Погасоша вечеру зари : Игорь
спитъ , Игорь бдитъ , Игорь
мыслию поля мѣритъ отъ ве-
ликаго Дону до малаго Донца.
Комонъ въ полуночи . Овлурѣ
свисну за рѣкою ; велитъ Князю
разумѣти . Князю Игорю не
быть : кликну стукну земля ;
въшумѣ трава . Вежи ся Поло-
вецкѣи подвизашася ; а Игорь
Князь поскочи горностаемъ къ
тпростию , и бѣлымъ гоголемъ
на воду ; въбрѣжеся на брѣвъ
комонъ , и скочи съ него босымъ
вълькомъ , и потече къ лугу До-
нца , и полетѣ соколомъ подъ
мъглами , избивая гуси и лебеди,
завтроку , и обѣду и ужинѣ .
Коли Игорь соколомъ полетѣ ,
тогда Влурѣ вълькомъ потече ,
тпруся собою студеную росу ;
претрѣгоста бо своя брѣзая ко-
моня . Донецъ рече : Княже Иго-
рю ! не мало ти величїя , а Кон-
чаку нелюбїа , а Руской земли
веселїа . Игорь рече , о Донце ! не
мало ти величїя , лелѣвшу
Князя на въгнахъ , стлавшу ему
зелѣну траву на своихъ сере-
ныхъ брѣзѣхъ , одѣвавшу его*

*Бризнуло море въ полночь ;
идушѣ лучи мглою ; Игорю Богъ
путь показывашѣ изъ земли
Половецкой въ землю Рускую ,
къ опеческому золошному престо-
лу . Погасла заря вечерняя : Игорь
спитъ , Игорь бдитъ , Игорь
мысленно поля измѣряетъ ошѣ
великаго Дону до малаго Донца.
Гоповѣ конь въ полуночи . Овлурѣ
свиснуль за рѣкою ; даъ Князю
знать . Князя Игоря нѣтъ : за-
стучала земля , зашумѣла права :
двинулись зашпавы Половецкїя ;
но Князь Игорь поскакаль гор-
носпасемъ къ тпростию , бѣлымъ
гоголемъ на воду ; съль на быс-
праго коня , и соскочиль съ него
быстрымъ волкомъ , и побѣжалъ
къ лугамъ Донца , и полетѣль
соколомъ подъ мглою , бѣя гусей
и лебедей къ завтраку , къ обѣду
и къ ужину . Когда Игорь соко-
ломъ летѣль , тогда Влурѣ вол-
комъ бѣжалъ , тпруся собою спуде-
ную росу ; ибо надорвали своихъ
быспрыхъ коней . Донецъ гово-
ритъ : о Князь Игорь ! не мало
для тебя величїя , для Кончака до-
сады , а для Русской земли веселїа .
Игорь говоритъ : О Донецъ , не
мало и для тебя величїя ; ты бе-
режно носиль Князя на волпахъ ,
сплалъ для него зеленую праву на
серебристыхъ брегахъ своихъ , одѣ-*

теплыми мѣглами: подѣ сѣнью
зелену древу; стрѣжаше е гого-
лемѣ на водѣ, чайцами на стру-
яхѣ, Чрьмдыми на ветрѣхѣ.
Не тако ли, рече, рѣка Стугна
худу струю имѣя, пожрѣши
чужїи ручьи, и стругы ростре
на кусту? Уношу Князю Рост-
иславу затвори Дивирь темнѣ
березѣ. Плачется матери Рости-
славѣ по уноши Князи Рости-
славѣ. Уныша цвѣты жалобю,
и древо стугою къ земли прѣ-
клонило, а не сороки втрос-
коташа. На слѣду Игоревѣ
ѣздитѣ Гзакѣ съ Кончакомѣ.
Тогда врани не граахуть, гали-
ци помѣлкоша, сороки не трос-
коташа, по лозю ползаша
только, дятлове тектомѣлуть
къ рѣцѣ кажуть, соловии весе-
лыми пѣсьми свѣтѣ повѣдають.
Млѣвитѣ Гзакѣ Кончакови: аже
соколѣ къ гнѣзду летитѣ, соко-
лича рострѣляевѣ своими зла-
чельми стрѣлами. Рече Кончакѣ
къ Гзакѣ: аже соколѣ къ гнѣзду
летитѣ, а еѣ сокола опутаевѣ
красною дѣвицею. И рече Гзакѣ
къ Кончакови: аще его опу-
таевѣ красною дѣвицею, ни
нама будетѣ сокольца, ни нама
красны дѣвице, то почнутѣ
наю птици бити въ полѣ
Половецкомѣ.

валъ его теплою мглою подѣ пѣвню
зеленыхъ деревъ, сперегъ его, какъ
гоголь, на водѣ, какъ чайка, на
спруяхъ, какъ чернеть, на воздухѣ.
Не такова ли, воскликнулъ онъ,
рѣка Спугна, которая, имѣвъ
худую спрую и поглотивъ чужїя
ручьи, сокрушила струги на кус-
тахъ? Юному Князю Ростиславу,
затворилъ Дивирь мрачные берега
своеи. Плачется мать Ростисла-
вова по юномъ Князѣ Ростиславѣ.
Уныли цвѣтны опѣ жалости; при-
клонились къ землѣ дерева: опѣ
печали, и даже сороки не стрѣ-
котали. По слѣдамъ Игоревымъ
ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда
враны не каркали, галки замолкли,
сороки не стрѣкотали, но только
по лозамъ-скакали, дятлаи сту-
комъ пупъ къ рѣкѣ показывали,
соловьи веселымъ пѣвнємъ свѣтѣ
возвѣщали. Гзакъ Кончаку гово-
ритъ: когда соколъ къ гнѣзду
летитъ; то мы соколенка раз-
спрѣляемъ позлащенными опрѣла-
ми своими. Кончакъ Гзаку отвѣ-
чаетъ: когда соколъ къ гнѣзду лѣ-
титъ: то мы соколика опутаемъ
красною дѣвицею. На сѣ Гзакъ Кон-
чаку говоритъ: когда его опутаемъ
красною дѣвицею, то не будетъ
у насъ ни соколика, ни красной
дѣвицы; но начнутъ битъ насъ
птицы въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъ-
славля пѣснотворца стараго
времени Ярославля Ольгова
Коганя хоти : тяжко ти голо-
вы , кромѣ плечю ; зло ти
тѣлу , кромѣ головы : Руской
земли безъ Игоря . Солнце свѣ-
титя на небесѣ , Игорь Князь
въ Руской земли . Дѣвицы по-
ютъ на Дунаи . Выютя голоси
чрезъ море до Кіева . Игорь
ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй
Богородици Пирогощей . Стра-
ны ради , гради весели , пѣше
пѣснь старымъ Княземъ , а по-
томъ молодымъ . Пѣти слава
Игорю Святъславича . Буй ту-
ру Всеволодъ , Владиміру Иго-
ревичу . Здроби Князи и дружи-
на , побарая за христьяны на
поганья пѣвки . Княземъ слава ,
и дружинѣ Амий .

Изрекъ Боянъ и свои дѣйствія
на Святославова пѣснотворца ,
воспѣвавшего въ древнія времена
прихопи Князей Ярослава , Олега
и Кюгана , сими словами : тяжело
быть головѣ безъ плечъ ; худо и
тѣлу безъ головы : а Руской землѣ
безъ Игоря . Свѣщися солнце на
небѣ , а Князь Игорь въ Руской землѣ .
Поютъ дѣвицы на Дунаѣ , проспе-
раютя голоса чрезъ море до Кіева .
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Пиро-
гощей Богородицѣ . Радуются обла-
спи , веселятся города , воспѣвая
пѣснь прежде старымъ Княземъ ,
а потомъ молодымъ . Воспѣта
слава Игорю Святославичу , Буй-
Туру Всеволоду и Владиміру
Игоревичу . Здравствуйте Князя
и дружина , поборающіе за Хри-
стіанъ на нечестивые полки .
Слава Княземъ и дружинѣ слава .

